

БАРБАРА ЛОМАДЖИСТРО

Университет Бари им. Альдо Моро, Италия

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВЫХОДНОЙ ЗАПИСИ (КОЛОФОНА) В СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ

Всесторонний анализ рукописных книг в греческой, латинской и славянской традициях привлекает внимание к примечаниям, сопровождающим переписанный в книге основной текст. С течением времени и в зависимости от исследуемых материалов в разных филологических и палеографических школах были выработаны более или менее широкие и обобщающие термины с тем, чтобы классифицировать записи, разбросанные в рукописях. В последние годы внимание к изучению маргиналий в рукописных книгах значительно возросло¹. В данной статье предлагаются предварительные результаты еще не завершившегося более обширного исследования об особом типе записей, т. е. выходных записях или колофонах, встречающихся в славянских рукописях XI–XVII веков. Обычно они не изучались отдельно от других записей: в основном все они исследовались по их историческому и социальному содержанию или же с целью анализировать содержащиеся в них лингвистические данные. Нередко эти разнообразные по их содержанию короткие тексты служат основным источником сведений о происхождении самих рукописей и вообще процессе книгопроизводства. Если не принимать во внимание малочисленные палеографические исследования, структурные особенности выходных записей сами по себе до сих пор не трактовались.

В самых общих чертах, судя по предназначению, цели и типу книги в славянских рукописях различаются выходные, владельческие и вкладные записи (Розов 1981: 19). Ввиду исключительной значимости этих записей для различных областей филологической и исторической наук, на них обращалось внимание уже в самых первых научных исследованиях славянских рукописей. Их тексты

¹ См.: Иванова 1999; Miltenova 2012; On the Fringe of Commentary 2014. Обзор основных особенностей древнерусских записей дает (Вуйтович 2002).

печатались в изданиях рукописных книг, исследованиях языка отдельных памятников, каталогах рукописей, а также в палеографических, искусствоведческих и исторических исследованиях. Однако их систематическое и всестороннее изучение до сих пор не проводилось.

В последние годы, изучая с лингвистической точки зрения восточнославянские рукописи, В. Б. Крысько (Крысько 2018; Крысько 2019) выработал более детальную классификацию зафиксированных в них записей и ввел в научный оборот всеобъемлющий термин «экстратексты», охватывающий все записи, выполненные писцами, редакторами, художниками, переплетчиками и читателями, а точнее: *записи*, содержащиеся на полях, первых и последних листах и переплетах книг; *приписки*, т. е. комментарии к тексту; *подписи* под рисунками. По их же содержанию он условно выделяет следующие типы экстратекстов: 1. пробы пера; 2. обращения к Богу и святым; 3. самоуничижительные оценки писцов; 4. владельческие пометы; 5. пометы о порядке чтения книги, об ошибках и т.д.; 6. записи с информацией о писце, об обстоятельствах заказа и написания книги; 7. исторические сообщения; 8. тексты, описывающие процесс и условия работы над рукописью и эмоции писцов; 9. тексты, касающиеся будущей судьбы книги; 10. заметки бытового содержания; 11. заметки метеорологического либо естественнонаучного характера; 12. деловые записи; 13. тексты философско-этического содержания; 14. тексты литературно-фольклорного характера; 15. предсказания; 16. подписи к рисункам – либо иллюстрирующим текст книги, либо связанным с ним тематически, либо чисто декоративным, либо вообще совершенно посторонним по отношению к книге. Ученый отмечает, что вышеуказанные тематические группы могут взаимно пересекаться (Крысько 2018: 6–8). Следует отметить, что колофон не признается как особый тип записи, а его составные части классифицируются по содержанию (особенно по пунктам 6, 8, 9).

Очевидно, что эта и подобные ей классификации не учитывают ни эпоху составления различных экстратекстов, ни цели, с которой они писались, ни их структуру. Эти аспекты в большей степени относятся к кодикологии, изучающей рукописную книгу и ее структуру. Следовательно, не случайно, что этой проблеме уделял внимание такой выдающийся палеограф как Е. Ф. Карский. В результате обширного обзора старославянских записей ученый выявил, что

выходная запись имеет специфические черты и отражает византийские образцы, хотя в течение веков она выработала свою характерную славянскую форму. Он заметил сходство между выходной записью греческой Псалтыри Успенского 862 г. и древнейшими славянскими рукописями: в указанной записи «писец обращается к Святой Троице с благодарением по поводу окончания переписки книги, указывает ее название и время написания, называет имя заказчика псалтыри, свое имя и духовное звание, присоединяет просьбу о молитве за писца и о снисхождении к нему» (Карский 1928: 276). Эти элементы разнообразно повторяются в южнославянских и древнерусских традициях. Некоторые переписчики по собственной инициативе включают новые элементы, касающиеся создания рукописи, побудительных причин, заказчика, писца; иногда добавляются и исторические сведения или цитаты из известных писцу религиозных произведений.

Анализ выходных записей старейших русских датированных рукописей выявил, что они делались по издревле сложившемуся в Византии стереотипу, охватывающему следующие элементы в следующем порядке: 1. обращение к Богу с благодарением за окончание труда; 2. название книги; 3. время написания; 4. имя писца; 5. имя заказчика книги; 6. пожелание заказчику добра; 7. обращение к читателям с просьбой исправлять при чтении допущенные писцом ошибки. В славянских рукописях первый и последний элементы были обязательными, а другие добровольно добавлялись. Наиболее устойчивыми были название книги, время ее написания, имя писца и заказчика; часто встречаются также стереотипные определения и самоуничижительные эпитеты, выражающие смирение писца (Карский 1928: 276–280).

Данные, проанализированные ученым, привели его к мысли, что более короткие колофоны являются результатом сокращения более длинных, и лишь позже сложилась противоположная тенденция обогащения стереотипов оригинальными элементами, что было обусловлено ростом значения «мирских людей» в производстве книг. Однако гипотеза ученого о датировке, если можно так их назвать, «коротких» и «обширных» выходных записей нам кажется неубедительной. Как будет показано ниже, вопрос о содержании изначального ядра колофона до сих пор является нерешенным в самой греческой кодологии.

Несмотря на это суждения Карского вполне обоснованные, но эти записи заслуживают более органичного и систематического изучения для того, чтобы выявить их функцию в процессе производства рукописной книги. С этой точки зрения нам кажется целесообразным рассмотреть эти записи как посредническое пространство между теми, кто производит рукописную книгу, и теми, кто будет ею пользоваться. Такой подход был выработан французским литературоведом Жераром Женеттом по отношению к печатной книге (Genette 1987).

В последние десятилетия его монография о тексте и порогах его интерпретации, т. е. паратексте, имела широкий отклик и среди ученых, занимающихся средневековой рукописной книгой. Женетт изучал элементы, не полностью принадлежащие к литературному тексту, но, тем не менее, составляющие с ним одно целое, то, что называлось книгой. Эти элементы лежат на пороге текста и определенным образом подготавливают читателя к восприятию текста. Они разделяются на две обширные категории: перитекст и эпитекст. Перитекстом Женетт называет такие элементы, как название и подзаголовок произведения, заголовки глав, предисловие, введение, примечания, указатели и так далее, – т. е. то, что практически можно найти внутри книги. Эпитекст же охватывает внешние ее элементы: например, интервью с автором, рекламные объявления, рецензии и отзывы критиков и др. Паратекстуальный подход и терминология, предложенные Женеттом, применялись в изучении книг и произведений, принадлежащих совершенно разным историческим эпохам и литературным направлениям, включая и рукописные книги.

Применение метода Женетта к рукописям привело к специальному изучению всех приписок и записей, находящихся на полях рукописных книг, т. е. всех экстратекстов. Однако при такой установке не всегда учитывается другой основной принцип теории Женетта, а именно принцип авторства паратекстов. В этом отношении французский ученый выделяет два типа паратекстов: автографический и аллографический (неавторский). Первый – это паратекст, созданный непосредственно автором произведения, а второй состоит из элементов, созданных кем-либо другим – как правило, издателями или редакторами текста, а в случае рукописной книги, писцами и исправителями – разумеется, с целью облегчить читателю доступ к самим текстам. Следовательно, не все экстратексты рукописных

книг являются действительно паратекстами: например, пометы владельцев и читателей книг не могут быть квалифицированы как настоящие паратексты, хотя они способствуют реконструкции истории использования данной рукописи².

Ниже мы постараемся изучить выходные записи рукописей с помощью паратекстуального подхода, чтобы точно определить и, следовательно, установить их функцию в оформлении рукописных книг. Предварительно надо сказать, что, во-первых, выходная запись писца – это общий элемент в разных рукописных традициях, начиная с греческой и латинской, в которых возникли названия *κολοφών* и *scriptio*; во-вторых, писец решает, как употребить и распорядиться разными паратекстуальными средствами на основе собственного плана, на который нередко сильно влияет его протограф. Определить этот план не всегда удается, и часто сама выходная запись отсутствует.

Что же касается попытки определить выходную запись, нам кажется полезным вспомнить, что Кодикологический словарь, составленный Денисом Мюзерелле в 1985 г., называет колофоном «заключительную формулу, в которой писец упоминает место или дату переписывания, или и то и другое»³. Действительно, греческий термин «колофон» значит «конечная точка», «завершение». С другой стороны, латинский термин *scriptio* значит буквально «подпись» и употреблялся ввиду того, что, как правило, *scriptio* писца находился в конце рукописной книги. Тем не менее, иногда писец вписывал свою подпись в начальных рубриках, на полях или где-то в другом месте. С тем, чтобы различить эти понятия, Мюзерелле определяет *scriptio* как «формула, в которой писец упоминает свое имя»⁴.

Тем не менее, некоторые ученые употребляют эти два термина безразлично или предлагают постоянно употребление лишь термина «подпись» (Maniaci 1996). Нам представляется необходимым сохранить два разных термина для обозначения двух различающихся

² О применении паратекстуального подхода к изучению греческих рукописных книг см. Fioretti 2015, Cavallo 2017, Andrist 2018.

³ Muzerelle (1985: 136 – 435.03): «formule finale dans laquelle le scribe mentionne le lieu ou la date de la copie, ou l'une et l'autre».

⁴ Muzerelle (1985: 136 – 435.04): «formule dans laquelle le scribe indique son nom».

фактов. С одной стороны, записи, в которых переписчик сам подписывается, т. е. с помощью обычно лаконичной формулы указывает свое имя и факт переписки книги (или одной ее части), могут появляться в разных местах рукописной книги, как и аналогичные краткие выражения, написанные теми, кто вводит декоративные элементы и подписывается. С другой стороны, выходная запись включает в себя не только подпись писца, но и другие элементы: место и дата выполнения работы, имена заказчика и получателя книги, молитвенные формулы; она является действительной точкой завершения работы. Именно более или менее определенная структура и назначение такого типа записи заслуживают стать предметом научного исследования. Чтобы напрасно не создавать новых терминов, нам кажется целесообразным использовать термин «подпись» для обозначения того, что в латинском языке называется *subscriptio*, и термин «колофон» как соответствующий греческому *κολοφών*.

Русское название «выходная запись» успешно передает тот факт, что эта запись находится в конце книги и является формулой, с помощью которой переписчик выпускает в обращение приготовленный им предмет и дает информацию о себе, заказчике, месте и времени переписки книги. До сих пор в славянских исследованиях эти записи использовались вместе со всеми другими написанными на полях рукописей записями преимущественно как источники: исторических фактов, не упомянутых в летописях; просопографических данных; лингвистических данных; информации о различных природных явлениях; сведений об особенностях жизни и быта писцов и их окружения, или же информации об обстоятельствах заказа и написания книги.

Однако, если колофон рассматривать как паратекстуальный элемент, следует в первую очередь изучить его структуру. В отличие от других записей, он, очевидно, писался по достаточно строгому и малоподвижному шаблону, архетип которого восходит к античности. Он содержал непосредственные сведения о написании данной книги (дату, указание на писца и заказчика, место и обстоятельства работы). Этот шаблон вошел в славянскую традицию в таком виде, что он все еще узнаваемый, несмотря на его эволюцию в течение веков.

Именно на основе рассмотрения базовой модели думается, что в античной традиции колофон был технической припиской, являющейся одним из элементов книгописания, но со своим специфическим

назначением, что, однако, не мешало переписчикам творчески вмешиваться в большей или меньшей мере в его содержание (Valerio 2022). Таким образом, колофон – это функциональная заметка, паратекст, необходимый для сжатого и лаконического изложения основных сведений о книге (название, дата и место написания, писец) и указания на конец книги.

В кодексе эта последняя функция может показаться излишней, но она была необходимой, когда книги писались в форме свитка, поскольку на одном свитке могло быть написано несколько книг или текстов. Таким образом, следовало быстро определить конец произведения с тем, чтобы было удобно пользоваться такой книгой. С этой целью была разработана целая система знаков, обозначающих разные разделы текста. Например, конец текста обозначал коронис (Stephen 1959, Добрынина 2018).

Коронис стал ядром, вокруг которого сложился паратекст окончательной формулы, содержащий основные сведения о произведении. Часто он опирался на установленный репертуар метафор в стихах или же служил его расширению. Когда книга в период между поздней античностью и средневековьем окончательно приобрела форму кодекса, концевая запись сохранилась, поскольку размещала основные данные о произведении в легкодоступном месте. Христианизация повлияла также на содержание этой записи, приспособляя формулы-метафоры к христианскому мировоззрению, включая выражения смирения, в которых писцы говорили о себе. Технофункциональный характер выходной записи очевиден, на наш взгляд, тем, что она вошла во все письменные традиции, которые возникли под влиянием греко-латинского книгописания. Так произошло со славянской, коптской, сирийской, арабской, грузинской, армянской и другими средами, где присутствуют лишь некоторые необходимые коррективы.

Как этот паратекстуальный элемент был приспособлен к славянской рукописной традиции? Мы рассмотрим проблему в обособленной перспективе, не различая книгописные школы и редакции, чтобы показать, в каких условиях можно говорить о продолжительности или разрыве в эволюции колофона в славянской письменной традиции. Для тщательного и систематического анализа надо было бы иметь полный корпус славянских колофонов, верифицированный в историческом и филологическом плане, снабженный

фотографиями текстов и научным аппаратом (лингвистическими, палеографическими, историческими комментариями и лемматизированным указателем слов и форм). При отсутствии таких средств мы основывали свои наблюдения на колофонах, опубликованных в каталогах рукописей или разных исследованиях, часто, к сожалению, без фотографий. Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что выходная запись являлась «технической» частью оформления книги и что она сохранила основные черты греческих колофонов, хотя и с неизбежными изменениями.

Технический характер колофона привел к разработке ряда графических средств, отличающих его от основного текста и позволяющих легко его найти. К знаку корониса, первоначальное значение которого, по-видимому, потерялось, добавился знак креста, самый главный христианский символ. Он ставился в начале или в конце колофона, как знак молитвенного обращения к Богу, или же с целью выразить благодарность ему за завершение работы. Иногда колофон писался в форме треугольника с вершиной, направленной вниз, а иногда представлял собой лишь коронис и монограмму писца, без какого-либо текста. Обычно выходная запись исполнялась отличным от основного текста почерком (иногда и другими чернилами) и с промежутком между двумя текстами. Колофон также мог быть отделен от основного текста фризом или обведен рамкой. Колофон или часть его могли быть вписаны в «фигуру», т. е. в гриде, имеющем вид квадрата, в котором ключевая фраза пишется, начиная от центра. Она читается во всех четырех направлениях⁵. В других случаях ключевая фраза пишется в форме креста (ставрограмма)⁶. Часто несколько из этих элементов встречаются вместе.

С кодикологической точки зрения колофон может играть важную роль в реконструкции предыстории формирования кодекса. В частности, когда в сборниках колофон не находится в конце книги, то это может иметь два объяснения: 1) он в книге был автоматически скопирован с протографа, иначе говоря, он – реликт ее модели и не принадлежит данной книге; 2) данная рукопись возникла в результате соединения двух или более кодикологических единиц, которые до

⁵ Совершенный пример этого находится в тетраевангелии Ивана Александра, ms British Museum, Curzon N° 153 (Карский 1928: 245).

⁶ Как, например, в болгарском евангелии 1355 г. (Карский 1928: 243).

того момента отдельно существовали и использовались. В обоих случаях колофон может помочь в реконструкции этапов формирования данного кодекса и, возможно, установить его соотношение с другими книгами. Например, в рукописи Дечаны 22 находятся два колофона. Первый на л. 278а в конце толкования Феофилакта Болгарского на Евангелие от Матфея (л. 278об. – пустой), а второй на л. 283об. в конце слова Иоанна Златоуста на Великий Четверг. Этот факт говорит о том, что два разных кодекса были сшиты в одну кодикологическую единицу.

Текстуальная структура выходной записи также подтверждает ее происхождение от византийских колофонов. Очевидно, что большая часть репертуара формул, использовавшихся в них, была переведена на старославянский язык. Приведем лишь два примера:

<p>ὡσπερ ξένοι χαίρουσιν πατρίδα φθάσαι καὶ οἱ θαλαττεύοντες εὐρεῖν λιμένα οὕτως καὶ οἱ γράφοντες βιβλίου τέλος</p> <p>(рк. Città del Vaticano, BAV, Vat. gr. 1755, 1294 г., Григорий Назианзин, <i>Orationes</i>, л. 317б)</p>	<p>іакоже стран'нні радѹжт са вндѣтн ѿуѣство н іже в морн вльнѣемн ѡбрѣстн прїстанїще бо҃рї тако н пншжщнї радѹет са вндѣтн конець кннѣ (Миняя Добриана (XIII в.) Одесса, ОГНБ, Р 4/17, л. 92а)</p>
<p>τῷ συντελεστῇ τῶν καλῶν Θεῷ χάρις (Patm. 136, 962 г.)</p>	<p>слава съврѣшнтелю б(ог)оу въ бесконьные вѣкы аминн (Дечаны 14, 1494 г.)</p>

Особенно долговечными оказались формулы смирения, очень часто встречающиеся с именами писцов.

Формулы часто объединены вместе, но писцы могут их обогатить личными замечаниями. В зависимости от этого колофоны могут варьироваться, но их основная структура легко узнаваема. Возможность взаимодействия между греческими и славянскими колофонами росла преимущественно в монашеских общинах, принадлежащих обеим лингвистическим средам, как, например, на Афоне.

Таким образом, колофон имеет узнаваемую, хотя и не жесткую, структуру. Мы можем, по крайней мере, выделить определенные разделы, которые писцы могут по-разному смешивать и, возможно,

дополнять ссылками на исторические факты, катастрофы – землетрясения, эпидемии, голод, или повседневную жизнь. Основными, более того, необходимыми элементами, часто выраженными в чрезвычайно краткой форме, являются:

1. глагол, выражающий окончание переписки, своего рода эксплицит, который в греческом языке обычно стоял в аористе страдательного залога – *εγραφη τέλος ειληφεν η ιερα βιβλιος αυτη* – и передавался по-славянски как *писа* €;
2. указание на книгу;
3. указание на переписчика;
4. дата, хотя не всегда детальная, написания книги, иногда в сочетании с указанием места;
5. просьба к читателям молиться за переписчика (и, возможно, за заказчика).

В самых кратких колофонах может отсутствовать последний элемент. Все эти части исполняют основную функцию – дать читателям необходимые данные о книге. К ним могут быть добавлены следующие другие элементы:

- обычно помещенные в начале колофонов формулы молитвенного призывания Бога, которые точно переводят греческие оригиналы;
- формулы-метафоры, выражающие радость по поводу окончания работы или противопоставляющие пишущую руку смертного вечности написанного текста. Многие из этих формул переводят греческие эпиграммы, используемые в этой функции в византийских колофонах. Они могут находиться в начале колофонов или же после пяти вышеуказанных базисных элементов;
- просьба к читателю простить допущенные ошибки (*excusatio*), в которой часто употребляются стереотипные формулы;
- формулы-анафемы тех, кто повредит или украдет книгу;
- подпись переписчика с формулой смирения. Она более обширна, чем сжатое указание на писца, и может содержать разные данные о нем. В некоторых колофонах она стоит в указании на писца, в других, однако, она воспринимается как отдельный элемент и, следовательно, имя писца дважды повторяется;
- указание на писца может выразиться в криптографической форме. Содержащие криптограммы колофоны требуют отдельного

изучения, но на данный момент, на наш взгляд, можно считать их своеобразным способом выражения скромности писца, не желавшего раскрыть свое имя.

Эти элементы можно распознать как стабильные в паратексте, который завершает книгу и синтезирует данные о ее написании. Переписчики могли вставлять возможные дополнения в конце изложенной нами схемы или же там, где это казалось бы более естественным. Например, после просьбы о прощении за допущенные ошибки переписчик мог добавить причины или описать обстоятельства, которые привели его к ним.

В свете всего вышесказанного можно заключить, что в славянской традиции колофоны имеют четко определенную структуру. Они происходят от греческой письменной традиции, сохраняя свою паратекстуальную функцию. От той же традиции они наследуют установленные образы, выражения, метафоры и формулы. Однако писцы проявляют определенную свободу в переработке выходных записей, адаптируя их к своим конкретным потребностям и обстоятельствам. Невозможно исключить, что сохранение в течение долгого времени колофона в средневековой книге-кодексе, в которой легче находить тексты, чем в свитке, было обеспечено богоугодной и полезной христианской общине концепцией переписывания текстов, особенно укоренившейся у монахов-переписчиков. Об этом говорит тот факт, что переписчики-миряне подписывались гораздо реже. Очевидно, в паратексте «полезной для души» книги монах-переписчик считал важным указать, что он выполнял столь же полезную для души работу, побеждая с помощью смирения грех гордыни и не забывая заслугу всех тех добродетелей, которые способствовали распространению божественного слова с помощью книг.

ЛИТЕРАТУРА

- Вуйтович 2002 – *Вуйтович М.* Элементы стереотипности и оригинальности в традиционных книжных записях древнерусских писцов // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2002. Т. 30. С. 87–94.
- Добрынина 2018 – *Добрынина Э. Н.* Рудименты «корониса» в художественном оформлении греческих рукописей IX–X вв. в российских собраниях // *Византийский временник*. 2018. Т. 102. С. 304–315.

- Иванова 1999 – *Иванова Д.* Элементы на приписката // Маргиналии. I. Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 1999. С. 49–83.
- Карский 1928 – *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.
- Крысько 2018 – *Крысько В. Б.* Экстратексты древнерусских рукописей: пролегомены к изданию // *The Oldest Linguistic Attestations and Texts in the Slavic Languages.* Wien: Holzhausen, 2018. P. 191–211.
- Крысько 2019 – *Крысько В. Б.* Экстратексты восточнославянских рукописей XI–XIV вв. как источник по истории древнерусского языка // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2019. Т. 78. № 2. С. 14–32.
- Розов 1981 – *Розов Н. Н.* Книга в России в XV веке. Л.: Наука, 1981.
- Andrist 2018 – *Andrist P.* Toward a Definition of Paratext and Paratextuality: the Case of Ancient Greek Manuscripts // *Bible as Notepad. Tracing Annotations and Annotation Practices in Late Antique and Medieval Biblical Manuscripts /* Ed. Liv I. Lied, M. Maniaci. Berlin: de Gruyter, 2018 (*Manuscripta Biblica* 3). P. 130–149.
- Cavallo 2017 – *Cavallo G.* Quale paratesto prima del libro a stampa? // *Segno e Testo.* 2017. Vol. 15. P. 343–364.
- Genette 1987 – *Genette G.* *Seuils.* Paris: Seuil, 1987.
- Fioretti 2015 – *Fioretti P.* Sul paratesto nel libro manoscritto (con qualche riflessione sui 'titoli' in età antica) // *Nel segno del testo. Edizioni, materiali e studi per Oronzo Pecere, a cura di L. Del Corso et. al.* Firenze: Edizioni Gonnelli, 2015. P. 179–199.
- Maniaci 1996 – *Maniaci M.* Terminologia del libro manoscritto, préface di Denis Muzerelle. Roma: Istituto centrale per la patologia del libro, 1996.
- Miltenova 2012 – *Miltenova A.* Marginality, Intertextuality, Paratextuality in Medieval Bulgarian Literature // *Marginalnoto v/na literatura /* Ed. Raja Kunčeva. Sofia: Izdatelski centăr “Bojan Penev”, 2012. С. 108–133.
- Muzerelle 1985 – *Muzerelle D.* Vocabulaire codicologique. Répertoire méthodique des termes français relatifs aux manuscrits. Paris: Centre d'études des modes d'industrialisation, 1985 (*Rubricae: historiae du livre et des textes*, 1) [edition hypertextuelle, version 1.1, 2002–2003, www.palaeographia.org].
- On the Fringe of Commentary 2014 – *On the Fringe of Commentary: Metatextuality in Ancient Near East and Ancient Mediterranean Cultures /* Ed. Aufrère S. H., Alexander Ph. S., Pleše Z. Peeters, 2014 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*).
- Stephen 1959 – *Stephen G. M.* The Coronis // *Scriptorium.* 1959. Т. 13. № 1. P. 3–14.

Valerio – *Valerio F.* A Short History of the Greek Colophon from the Beginnings to Modern Times // COMSt Bulletin. 2022. T. 8/1. P. 19–72.

Barbara Lomagistro

University of Bari Aldo Moro, Italy

Toward a Definition of *Colophon* in Medieval Slavonic Manuscripts

According to the definition provided by Denis Muzerelle in his *Vocabulaire codicologique*, a colophon is an annotation (frequently, but not always) placed at the end of a manuscript by the scribe. In it the scribe gives information about his transcribing work, in particular the date and the place, his name and status, and sometimes expressions of thanks for the successful completion of his task. This paper aims to provide a preliminar survey of representative occurrences of colophons in Slavonic medieval manuscripts, in order to establish: 1) if they fulfill such a definition; 2) the extent to which they may vary from this basic definition, *e.g.* using distinctive, formulaic expressions, peculiar visual devices; 3) if they play a specific role in the structure of the manuscript book. Finally, an attempt is made to address the examination of colophones as paratextual elements.

Key-words: colophon, manuscript annotations, paratextuality in medieval manuscripts